

УДК 379.4+94(С18)

Музей как фактор социальной коммуникации во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Иркутской губернии)

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу роли музея как фактора социальной коммуникации в период трансформации социокультурной системы во второй половине XIX – начале XX в. на примере музеев Иркутской губернии.

Ключевые слова: музей, ВСОИРГО, Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, социальная коммуникация, социокультурная коммуникация, коллекции, посетители музея.

В современном музееведении активно разрабатываются интеграционный, институциональный, интеграционный, коммуникационный, культурологический и другие подходы, на основе которых создаются новые концепции музеев. В статье предпринята попытка рассмотреть дореволюционный музей как социокультурный институт, действенность которого определяется его включенностью в социальную систему и общекультурные процессы, эффективностью взаимодействия с обществом (в соответствии с подходом Л. С. Именной). Музей рассматривается автором как «культурное гнездо», как элемент культурной среды, востребованный обществом и породивший специфические формы общественных связей, в определенной степени обусловленных региональными особенностями.

В то же время учитывается концепция музея как культурно-коммуникативной системы, реализующей коммуникативную функцию на всех направлениях своей деятельности (О. С. Сапанжа). При этом коммуникация рассматривается как социокультурная, т. е. как процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности с целью передачи или обмена информацией. В современной культурологии выделяется четыре основных вида социокультурной коммуникации: 1) инновационная, выражающаяся в приобщении субъектов культуры к новым формам знания и опыта; 2) ориентационная, помогающая субъектам культуры ориентироваться в окружающем их пространстве, инкультурирующая их в систему жизненных ориентаций, доминирующих в данное время; 3) стимуляционная, воздействующая на активность субъектов культуры, активирующая их внутренние ресурсы; 4) корреляционная, помогающая уточнить отдельные параметры

культурной деятельности, детализирующая и конкретизирующая более частные аспекты знаний, ориентаций и стимулов [8, с. 171]. Представляется, что использование всех перечисленных подходов позволит на локальном материале показать роль музеев как фактора социальной коммуникации во второй половине XIX – начале XX в. на начальном этапе модернизации, в условиях отрыва от традиционной культуры и трансформации социокультурной системы общества.

Первая страница в истории музея в Иркутской губернии – создание «музеума» при библиотеке в 1782 г. – уже свидетельствует о стремлении привлечь к его деятельности представителей различных слоев общества как в качестве жертвователей экспонатов, так и посетителей. Еще нагляднее эта тенденция прослеживается в истории музея естественных предметов при Главном управлении Восточной Сибири, основанном в 1840-х гг. по предложению МВД. Распорядителем музея был инспектор гимназии В. И. Седаков. Он составил «руководства для собирания, препарирования, хранения и пересылки предметов... входил в отношения с корреспондентами, отыскивая их во всех углах Сибири. Плодом его усилий было создание музея, в котором уже к 1850 г. было собрано до 650 предметов» [13, с. 4]. Однако в полной мере фактором социальной коммуникации иркутский музей становится после 1854 г., когда он был передан в ведение Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Дальнейшая история иркутского музея неразрывно связана с историей СОИРГО (затем ВСОИРГО).

На всех этапах своего существования и Отдел в целом, и музей в частности объединяли представителей разных слоев общества: чиновников, представителей интеллигенции, ссыльных, купцов, священнослужителей, «инородцев». Таким образом, возникала возможность общения людей, которые не имели прямых контактов по другим поводам. Взаимодействие могло быть личным или опосредованным, очным или заочным, краткосрочным или продолжительным. В любом случае, ВСОИРГО в той или иной степени выполнял все названные функции социокультурной коммуникации и в 1870-х гг. стал «фокусом умственных интересов местного общества», привлекая на свои заседания «многочисленную публику» [6, с. 12]. Правда, как отмечали сами члены ВСОИРГО, в первые десятилетия преобладали связи с отдельными личностями, но с 1880-х гг. можно говорить о все более крепкой связи с Отделом общественной среды [6, с. 22]. Возможно, одной из причин подъема общественной активности была необходимость возрождения музея и библиотеки после пожара 1879 г. Частные лица жертвовали деньги, общественные организации со всей России – свои издания и дублеты коллекций.

На протяжении всего периода существования музея ВСОИРГО его коллекции формировались за счет поступления материалов экспедиций – Р. А. Маака, И. А. Лопатина, П. А. Кропоткина, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и др. Однако необходимым условием развития музея было взаимодействие с местным населением, его участие в процессе комплектования коллекций. О масштабах этого участия можно судить по ежегодным отчетам Отдела, где указывались фамилии жертвователей (от 20 до 60 в год). Среди

жертвователей мы встречаем генерал-губернаторов П. А. Фредерикса и А. Д. Горемыкина, иркутского городского голову В. П. Сукачева, купцов Трапезниковых и Бутиных, наблюдателя за котиковым промыслом на Командорских островах Гребницкого, архимандрита Григория, начальника Николаевской ссыльно-каторжной команды, главного тайшу селенгинских родов С. Юмова, миссионера М. Копылова и многих других. Для части этих жертвователей сбор коллекций был первым шагом к постоянному сотрудничеству с Отделом, членами которого они со временем становились. В их числе миссионер Коймарского стана Я. Чистохин, тайша аларских бурят П. П. Баторов, П. А. Кельберг (в 1895 г. студент русской духовной миссии в Пекине), и другие. Немало было и тех, кто жертвовал какие-то экспонаты однократно. В соответствии с подходом Д. А. Клеменца, нужно было «пользоваться всяким человеком, имеющим склонность быть полезным музею», и «лицо, в начале доставлявшее только хлам, поощренное и наученное, может стать ценным коллектором» [4, с. 28–29].

Способом привлечения к сотрудничеству и обучения могло стать участие в работе по программам, которое предполагало научную и собирательскую деятельность. В своем «Историческом очерке музея ВСОРГО» П. П. Хороших перечисляет программы для сбора коллекций для музея, причем из 10 указанных им программ собственно сбору коллекций посвящено только три: «Программа для собирания этнографических предметов для музея» (1883 г.), «Общие правила для собирания геологических коллекций для музея ВСОРГО», напечатанные в «Известиях» Отдела за 1908 г., и составленная А. М. Станиловским «Программа для собирания предметов по ботанике, зоологии, географии, археологии, этнографии, технологии и пр. для музея ВСОИРГО», изданная музеем в 1902 г. Все остальные предполагали, прежде всего, сбор сведений – о сибирском шаманизме, верованиях инородцев, о деревенском быте и т. д., что неизбежно должно было сопровождаться сбором экспонатов по названным темам.

Особенно следует отметить активное взаимодействие с музеем как западных, так и восточных бурят, хотя для них такая форма социокультурной коммуникации не только была новой, но и противоречила религиозным традициям. Известный бурятский ученый М. Н. Хангалов, собирая коллекции предметов шаманского культа для музея ВСОИРГО и Русского музея в 1900-х гг., общался с западными бурятами Нельхайского, Унгинского, Аларского, Куйтунского, Ныгдинского и других ведомств, в целом успешно преодолевая недоверие верующих шаманистов. Одним из важнейших его аргументов были документы от музея как доказательство, что он не продаст коллекцию в частные руки [2, с. 32]. Таким образом, в это время значение музея как важного социокультурного института уже утвердилось в общественном сознании. Доказательством может служить немалое число жертвователей как среди западных бурят (И. И. и С. А. Пирожковы, П. П. Баторов и др.), так и буддийского духовенства – бандидо хамбо-лама Д. Г. Гамбоев, ширетуй Гыгетуевского дацана Ш. Ринчинов, ширетуй Учетуевского дацана Ч. Цыдыков. В 1911 г. ширетуй Цугольского дацана Г-Д. Санкиев передал в дар музею «вещи буд-

дийского культа» и стал членом-соревнователем [9, с. 130]. Таким образом, музей ВСОИРГО являлся общественным учреждением уже по способу комплектования и его коллекции отражали коллективные представления об окружающей реальности. Участие в этой деятельности можно считать инновационным и стимуляционным видами социокультурной коммуникации, поскольку она приобщала ее участников к новым формам опыта и активизировала их внутренние ресурсы.

Во второй половине XIX в. музей ВСОИРГО воспринимался, прежде всего, как «орудие опытных наук» и был открыт для посетителей только 30–33 дня в году. По подсчетам Н. Н. Козьмина, его посещали приблизительно 1300 чел. в год, причем, по данным на 1877 г., большинство составляли воспитанники учебных заведений. После возрождения музея численность посетителей постоянно возрастала – с 1764 в 1885 г. до 2019 – в 1889 г., причем неизменно около 60 % составляли дети [6, с. 37]. Просветительная деятельность активизировалась в конце 1880-х гг., после возрождения музея. Потребность такой деятельности была осознана иркутским обществом, что подтверждается выделением в 1889 г. городской думой 600 руб. субсидии «на развитие общеобразовательной части музея и на организацию объяснений коллекций сведущими лицами при посещении музея публикой» [6, с. 37]. После начала объяснительных чтений, за 1891–1901 гг., численность посетителей возросла с 5922 до 15 622, и доля взрослых увеличилась с 43,6 до 58,8 % [6, с. 38]. Таким образом, музей привлекал значительную часть населения города. Данные, приведенные Н. Н. Козьминым, отражают динамику роста интереса у взрослых людей: в 1891 г. музей посетили 1697 мужчин и 888 женщин, а в 1901 г. – уже 6287 и 2908 соответственно, следовательно, число посетителей-мужчин выросло в 3,7 раза, а женщин – в 3,3 раза. В 1907 г., когда музей был открыт по воскресеньям и средам (62 раза в году), число посетителей достигло 28 776 человек, т. е. выросло еще на 84 %. Столь значительная цифра, по мнению авторов отчета о деятельности ВСОИРГО, «отчасти объясняется тем, что по воскресеньям музей посещался целыми ротами солдат, приходивших под командой офицеров» [12, с. 101]. Отмечали также, что «наряду с горожанами постоянно можно наблюдать много крестьян, осматривающих коллекции музея» [12, с. 93]. Очевидно, это были годы наивысшего интереса к музею, поскольку уже в следующие годы число посетителей, судя по данным отчетов, резко уменьшилось: в 1909 г. – 6922, а в 1911 г. – 7190 чел., хотя музей был открыт во все дни недели (кроме субботы) с 3 до 5 часов, а в праздничные дни – с 11 до 3 [12, с. 161; 9, с. 9, 82]. Такая отрицательная динамика может быть связана с чередованием периодов подъема и спада деятельности ВСОИРГО в целом, однако говорить о прямой связи вряд ли возможно, поскольку, например, в отчете за 1907 г. наряду с самыми высокими данными о посетителях музея отмечен застой в деятельности Отдела. Наиболее устойчивой группой посетителей были учащиеся средних учебных заведений города, которые бывали в музее с преподавателем в те дни, когда он был закрыт, по особому условию с консерватором музея. Таким образом, музей выполнял роль учебного пособия и преподаватели имели возможность

«наглядно знакомить воспитанников с окружающей нас природой» [12, с. 93]. Музей стремился повысить посещаемость музея за счет расширения бесплатного доступа. В 1911 г. было решено пускать детей, учащихся и нижних чинов бесплатно, а со взрослых брать 10 коп. Обсуждался даже вопрос о полном уничтожении платы за вход, однако этот вариант не мог быть реализован по экономическим причинам. К тому же оказалось, что дети, пришедшие без сопровождения старших, «производят в музее беспорядки», и было решено брать с таких детей 5 коп. [9, с. 123].

Музей привлекал «малообразованную публику», и характер объяснительных чтений определялся как содержанием коллекций музея, так и уровнем подготовки посетителей. К 1 января 1913 г. музей располагал следующими коллекциями: по зоологии – 3358 предметов, по ботанике – 2890; по геологии и палеонтологии – 7680; этнографии – 8470, археологии – 1665; нумизматике – 815 [15, с. 133]. Имелись в музее антропологические коллекции, а также фотографии, рисунки, огнестрельное и холодное оружие. Судя по краткой характеристике коллекций, приведенной в историческом очерке П. П. Хороших, они давали представление о флоре Восточной Сибири, Монголии, Дальнего Востока и частично Туркестана; фауне Байкала, энтомологии Восточной Сибири, частично Китая, а также о некоторых ископаемых животных. Геологические коллекции в той или иной степени характеризовали Восточную Сибирь, Монголию, Урянхайский край и частично Урал. Наиболее ценными признавались коллекции по золото- и каменноугольной промышленности. Археологические коллекции отражали все основные этапы истории ранних обитателей региона – от палеолита до железного века и включали предметы из раскопок в Восточной Сибири и в Монголии. Этнографические коллекции содержали предметы обихода, одежду, орудия охоты и т. д. коренных народов Сибири, русского населения, а также китайцев, корейцев и японцев. Наиболее полно представлены были буряты, якуты и тунгусы. Таким образом, коллекции позволяли посетителям познакомиться не только с родным краем, но и сравнить его с другими регионами.

О направленности просветительной деятельности музея свидетельствует тематика объяснительных чтений. При этом, как отмечал Д. А. Клеменц, музей использовал систему объяснений, принятую в Московском политехническом музее – не общий обзор коллекций, а рассказ о группе специально подготовленных предметов в течение двух часов. Так, в 1898 г. музей был открыт 33 раза, по воскресеньям, и было проведено 24 объяснения, в том числе: 11 – по этнографии и археологии: «О якутах» (3 раза), «О жизни доисторического человека» (2 раза), «О шаманстве» (2 раза), о чукчах, о сойотах и объяснения коллекций каменного века с р. Китой; 10 – по ботанике и зоологии: «Картины из жизни насекомых» (4 раза), «Заботы насекомых о потомстве», «О насекомоядных растениях», «О мамонте и других ему современных животных» (2 раза), «О паразитах человека» (2 раза); 3 – по техническим производствам: «О фарфоровом и фаянсовом производстве», «О свеклосахарном производстве», «О приготовлении цемента» [3, с. 14–15]. Таким образом, посещение музея давало его посетителям новое представление о различных

сторонах сибирской жизни в прошлом и настоящем. При этом организаторы чтений стремились не только расширить их знания о природных, общественных и культурных явлениях, но и донести до посетителей практически полезную информацию. На эту функцию музея указывал Д. А. Клеменц: «Сколько теряется заработка, сколько промыслов не развивается у нас благодаря недостаточному знанию местности» [4, с. 25]. Недостаток знаний должны были восполнить музеи. Это направление деятельности музея со временем расширялось. Так, в 1911 г. было проведено 29 воскресных объяснительных чтений, в том числе различным промыслам и отраслям промышленности были посвящены 11 чтений [9, с. 8–9]. Среди них: «Рудное золото в Сибири», «Каменный уголь и местная промышленность», «Залежи и добывание медной руды», «Железные руды, в Сибири – в особенности», «Каменная соль, местонахождение и добыча ее» и др. На каждом чтении присутствовало до 100–150 человек. Таким образом, можно говорить о реализации музеем не только очевидной инновационной социокультурной коммуникации, но и об ориентационной, помогающей выработать систему жизненных ориентаций в меняющемся мире, а также и корреляционной, детализирующей более частные аспекты знаний, ориентаций и стимулов. Конечно, результативность такой коммуникации не следует преувеличивать, но коммуникативный потенциал должен быть отмечен.

Для более подготовленной части иркутского общества в музее проводились лекции и доклады. В 1860–80-х гг. они были единичными, случайными по тематике, и зависели от инициативы и личности лектора. Так, в 1859 г. ординатор военного госпиталя Н. И. Кашин прочел в зале музея несколько лекций о народной медицине, причем на одной из них произвел сечение трупа с объяснениями для слушателей [14, с. 50]. В 1862 г. геолог Шмидт прочел доклад о землетрясении 30–31 декабря 1861 г. и очерк «Краткий взгляд на геологию вообще и геологию Амурского края в особенности» (присутствовало до 150 человек, в том числе до 20 дам) [14, с. 116]. В 1868 г. проведен был цикл технических бесед, в том числе о промышленных заведениях Иркутска, о вентиляции, об амальгамации золота посредством гальванического тока [14, с. 223–224]. В 1880-х гг. главный инспектор училищ Восточной Сибири Н. И. Раевский периодически читал лекции о климате, землетрясениях и других явлениях природы. Эти и другие примеры свидетельствуют о не слишком прочной связи коллекций музея и тематики лекций и докладов, однако сам факт проведения их в здании музея повышал их научную значимость, удовлетворял познавательные потребности иркутян. Наибольшего успеха эта форма связи музея с представителями образованной публики достигла после того, как доклады и лекции стали периодическими. Нужно отметить, что и здесь обсуждались не только сугубо научные, но и практически значимые темы. Например, в 1911 г. два из 15 докладов были посвящены проблеме соединения Приленского края с Сибирской железной дорогой, один – памятникам старины и мерам к их сохранению [9, с. 11].

Кроме контактов населения с музеем через объяснительные чтения и доклады время от времени возникали и другие формы взаимодействия с раз-

личными слоями общества, главным образом в связи с активностью консерваторов музея. Судя по отчетам ВСОИРГО, наиболее активен был А. М. Станиловский, занимавший эту должность в 1900–1903 гг. «Руководящей мыслью его было сделать музей широко доступным и просветительным учреждением для местной публики», причем «главное значение его должно было заключаться не в накоплении предметов научного значения для немногочисленных ученых, а в образовательном воздействии на местных жителей» [12, с. 3]. Его личность привлекала «целые толпы молодежи и взрослых людей», которые были увлечены консерватором «на работу для музея» [12, с. 4]. Одним из способов привлечения молодежи было не только использование коллекций музея для уроков природоведения, которые он вел в некоторых учебных заведениях города, но и организация для экскурсий и собирание коллекций. Для постановки «коллектирования» на научную основу он составил небольшое руководство – «Программу для собирания предметов по ботанике, зоологии, географии, археологии, этнографии, технологии и пр. для музея ВСОИРГО», изданную музеем в 1902 г. И в последующие годы учащихся иногда привлекали к работе в музее в качестве помощников. Например, в 1911 г. А. П. Детищев и 12 учеников 2-го и 3-го классов Иркутского учительского института составляли описи и этикетки минералогической и геологической коллекции музея, а 2 ученика принимали участие в работе с зоологическими коллекциями [9, с. 53, 65].

Опыт деятельности музея как фактора социальной коммуникации, как необходимого средства приобщения общественных сил к деятельности научно-просветительных обществ, накопленный в XIX в., был востребован в начале XX в. Основанный в конце 1911 г. Иркутский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта ставил перед собой, среди прочих, задачу открытия областного музея, который отразит картину современной жизни края [7, с. 3]. Однако своего помещения у музея не было, пожертвований было мало, и в отчете за 1913 г. библиотека и музей упоминались как «теряющиеся в настоящее время в закоулках городской управы» [10, с. 105]. Можно предполагать, что общественная потребность в музее вполне удовлетворялась имеющимся музеем ВСОИРГО, который уже привлек наиболее активную часть как городских, так и сельских жителей Иркутской губернии. Вместе с тем история возникновения музеев вне Иркутска свидетельствует об интересе общества к развитию этой формы культурной жизни в небольших городах и крупных селах.

В Братске в 1913 г. был создан отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта и начал формироваться музей при нем, поначалу из археологических коллекций. Один из активных деятелей Братского отдела ссыльный большевик В. В. Рябиков писал: «Я признаю, что весьма желательно иметь в центрах большие, хорошо обставленные музеи, где бы можно было учиться и составить себе полную картину прошедших веков, но центр – это не все. Пока мы не обратим внимания на нашу провинциальную периферию, не заинтересуем ее, не втянем в культурную жизнь, – до тех пор мы будем топтать на одном месте... Люди, заинтересованные скотоводством и дето-

водством, имеющие кругозор ребенка, на предложение собирать старину в лучшем случае посмотрят только с изумлением... Другое дело, если втянуть их на месте в какую-либо работу, ...заставляющую хоть немного подумать – тогда другое дело. Сначала в наш... музей, для смеху хотели посылать ребят с дохлыми крысами, потом стали спрашивать, что и как, а теперь и сами втягиваются и собирают сведения о старине» [5, с. 59–60]. По его словам, в праздничные дни все окрестное население на радиус 100 км съезжалось в Братско-Острожное, чтобы познакомиться с музеем.

Музей при Тулунском отделе Общества изучения Сибири и улучшения ее быта был создан в 1913 г. на основе пожертвований. Судя по данным Г. С. Виноградова, в 1913 г. было 54 поступления (153 предмета), в 1914 г. – 68 (129 предметов), в 1915 г. – 8 (9 предметов) и в 1916 г. – 4 (20 предметов). К 1917 г. в музее насчитывалось 311 предметов, и больше поступлений не было, поскольку уже в 1916 г. отдел прекратил свое существование и возродился только в 1918 г. В 1913–1914 гг. музей имел свое помещение (вместе с библиотекой), коллекции хранились в витринах и были доступны посетителям. К сожалению, Г. С. Виноградов отмечает отсутствие сведений о посещении музея, хотя связывает наличие поступлений в музей с доступностью его коллекций [1, с. 5–6]. Устраивались народные чтения научного («Этнография как наука», «Прошлое, настоящее и будущее Сибири»), литературного (о В. Г. Короленко и М. Ю. Лермонтове) и практического характера («О значении пчеловодства в хозяйстве и роли пчел в природе», «Опытные поля и для чего их устраивают», «Теория, история и практика кооперации»). На них присутствовало от 77 до 250 человек, всего за 1913 г. – 400, 1914 г. – 1170 [1, с. 6]. Тематика их не была напрямую связана с музеем, однако привлекала интерес публики к этому учреждению. Таким образом, эти общественные музеи также реализовывали как инновационную, приобщая посетителей к новым формам знания, так и стимуляционную функцию социокультурной коммуникации, активизируя их познавательные потребности, в том числе потребность в социальной памяти. С одной стороны, музей привлекал крестьян своей новизной, поскольку лежал за рамками традиционной культуры, где были свои носители социальной памяти. С другой стороны, форма коммуникации не противоречила будничному миру крестьян. Это отражалось не только в коллекциях, но и в докладах по истории и экономике края, которые читались для посетителей.

В начале XX в. музей мог стать фактором профессиональной коммуникации. Примером этому служит музей наглядных пособий, созданный при обществе «Просвещение» в 1908 г. Он имел 16 отделов и состоял из коллекций и таблиц, собранных кружком лиц под руководством А. М. Станиловского в то время, когда он был консерватором музея ВСОИРГО. Средства на него поступали от Общества пособия учащимся Восточной Сибири – 160 руб. в год [11, с. 17]. Для информации об условиях пользования коллекциями и химической лаборатории при музее и для выяснения нужд и запросов было разослано 300 анкет по школам, в том числе сельским, но ответов было получено всего 14. В результате в 1909 г. музеем пользовались 15 учебных заведе-

ний [11, с. 17]. Можно считать, что его главными функциями были стимуляционная и корреляционная, поскольку использование наглядных пособий в педагогическом процессе требовало дополнительной подготовки и, в результате, активизировало их внутренние ресурсы, конкретизировало более частные аспекты знаний самих преподавателей. Таким образом, музей удовлетворял специфические потребности сравнительно небольшой части общества, однако его социальное значение было значительно шире, так как учителя были более или менее умелыми посредниками между учениками и коллекциями музея.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют говорить о диалогичности и взаимообусловленности взаимоотношений между музеем и обществом, неизбежной в условиях дореволюционной сибирской провинции. С одной стороны, лишь активное участие представителей различных слоев сибирского социума в процессе комплектования музея, его деятельности как научного и культурно-просветительного учреждения позволяло музею существовать. Состав музейных коллекций отражал ценностные представления общества о прошлом и настоящем региона и окружающего мира. То же можно сказать и об экспозициях, поскольку сами сотрудники музея, включая консерваторов музея ВСОИРГО, были непрофессионалами. С другой стороны, наличие музея приводило к постепенному формированию «музейной общественности». Востребованность музея различными слоями населения несомненно возрастала, следовательно, он удовлетворял специфические потребности общества и личности – от сохранения социальной памяти до организации досуга. Можно сказать, что музей был фактором социальной коммуникации во всех направлениях его деятельности.

1. *Виноградов Г. С.* Краткий обзор деятельности Тулуновского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта / Г. С. Виноградов. – Иркутск : [б. и.], 1918. – 14 с.
2. *Залкинд Е. М.* М. Н. Хангалов / Е. М. Залкинд. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1945. – 63 с.
3. Известия ВСОИРГО – 1900. – Т. 31, вып. 1–2.
4. *Клеменц Д. А.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни / Д. А. Клеменц. – Иркутск : [б. и.], 1893. – 68 с.
5. *Коваль С. Ф.* Из жизни В. В. Рябикова в сибирской ссылке // Зап. Иркут. обл. краеведческого музея (К истории партийных организаций Восточной Сибири). – Иркутск, 1965. – Вып. 3. – С. 53–60.
6. *Козьмин Н. Н.* Исторический очерк деятельности ВСОИРГО // Изв. ВСОИРГО. – 1904. – Т. 35. – С. 1–43.
7. *Кроль М. А.* О задачах Общества изучения Сибири и улучшения ее быта / М. А. Кроль. – Иркутск : [б. и.], 1913. – 18 с.
8. Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М. : Высш. образование, 2005. – 566 с.
9. Отчет ВСОИРГО за 1911 г. Иркутск : [б. и.], 1913. – 207 с.
10. Отчет Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта за 1913 г. // Изв. Иркут. отд. Об-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск. – 1917. – Т. 1.

11. Отчет о деятельности Иркутского общества «Просвещение» за 1907–1910 гг. – Иркутск, 1911. – 69 с.
12. Отчеты ВСОИРГО за 1905, 1907, 1908 и 1909 гг. и кассовый отчет за 1906 г. – Иркутск : [б. и.], 1912. – 173 с.
13. Очерк 25-летней деятельности СОРГО. Иркутск : [б. и.], 1876. – 24. 10, 10 разд. паг.
14. Романов Н. С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. / Н. С. Романов. – Иркутск, 1914. – 410 с.
15. Хороших П. П. Исторический очерк музея ВСОРГО (1854–1920) / П. П. Хороших // Изв. ВСОРГО. – 1927. – Т. 50, вып. 1. – С. 125–136.

Museum as a Factor of Social Communication in the Second Half of the XIXth – the Early XXth c. (on the Materials of Irkutsk Province)

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the role of a museum as a factor of social communication during the transformation of the sociocultural system in the second half of the XIXth- the early XXth c. by example of the museums of Irkutsk province.

Key words: museum, East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographic Society, Society of study of Siberia and its life improvement, social communication, sociocultural communication, collection, museum visitors.

Оглезнева Галина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, 315, тел. 8(3952)240522, e-mail: gogl@mail.ru

Oglezneva Galina Vasilevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, 315, phone 8(3952)240522, e-mail: gogl@mail.ru